

А.А.Щелчков

Участие индейцев в войне за независимость Чаркас

Война за независимость на территории современной Боливии продолжалась долгие 15 лет. Это была война освободительных походов, восстаний патриотов, партизанского движения, что сделало территорию колонии местом, где никакая победа роялистов не гарантировала спокойствия. Подавляющее большинство населения аудиенсии Чаркас — индейцы аймара и кечуа, труд которых обеспечивал благополучие колонии и стабильный доход метрополии. Это большинство во многом определяло будущее независимости Боливии. Индейцы стали важными действующими лицами Войны за независимость в Чаркас, от их позиции зависела судьба противников, но при этом индейцы никогда не принимали ни одну из сторон, а действовали в соответствии со своими конъюнктурными интересами, вступали в ситуационные альянсы с креолами, метисами и испанцами. Целью индейцев было сохранение «пакта взаимности» с миром белых — будь то с короной, будь то с патриотами, что предполагало автономию индейцев и гарантии ограничения эксплуатации. Индейцы стремились выжить в новых политических условиях, хотели, чтобы их образ жизни, особые права и интересы были признаны. Им удалось отстоять свой «проект» в рамках кардинальных перемен времен войны, поэтому тот факт, что буквально через пару лет после провозглашения независимости республиканские правительства восстановили старый режим, не вызвало недовольства и возмущения индейского населения.

Ключевые слова: Война за независимость, индейские народы, Чаркас, Боливия, республикеты, роялисты, патриоты.

DOI: 10.31857/S0044748X24110063

Статья поступила в редакцию 28.04.2024.

Война за независимость Испанской Америки является самой изученной темой латиноамериканской истории, в том числе и в отечественной историографии. В боливийской же историографии участие индейцев в Войне за независимость как отдельная тема впервые была предложена ученому сообществу только в начале 1960-х годов с появлением работы А.Валенсии Веги в 1962 г. [1]. С декларируемых марксистских позиций автор защищал тезис о том, что индейцы проявляли враждебность по отношению к обеим

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (РФ, 119334 Москва, Ленинский пр., 32 а, sch2000@mail.ru, ORCID: 0000-0002-7780-781X).

воюющим сторонам. Это мало отличало работу Валенсии Веги от того, что писали его предшественники (классическая историография) в XIX в. Ч.Арнаде также обратился к теме индейского движения, которое рассматривалось лишь как элемент внутренней войны в Чаркас; отмечалось, что индейцы индифферентно относились к самой идее борьбы с короной [2]. Событием в историографии стала работа Р.Арсе Агирре [3]. Ученый отмечал, что народный (в том числе и индейский) проект выразился в восстаниях, в создании республик (районы, где действовали партизаны. — *А.Щ.*), в участии индейцев в войне как на стороне патриотов, так и на стороне короны. Новое поколение историков в XXI в. внесло большой вклад в изучение темы. Следует упомянуть труды О.П.Мендиеты, М.Л.Соукс, Р.Барраган и М.Д.Демелас. Эти авторы предлагали рассматривать народный «проект» в ходе войны вне связи с перспективой независимости, а ориентируясь на выявление сетей, альянсов и интересов различных социальных слоев и групп колониального общества на местном, локальном уровне [4; 5; 6; 7].

Несмотря на то, что проблема участия индейского населения колоний в войне не могла быть проигнорирована историками, тем не менее большинство из них предпочитали не останавливаться на этой теме, ограничиваясь общими замечаниями, переходившими из работы в работу. Речь шла либо о враждебном отношении индейского населения к креольскому движению за независимость, либо о пассивной поддержке патриотов со стороны народа, в том числе индейцев. Исходя из методологических принципов конструирования исторического нарратива, предложим рассмотреть интересующую нас проблему на материале войны за независимость в ауденсии Чаркас, где подавляющее большинство населения составляли индейские народы аймара и кечуа. Наши задачи — проанализировать реакции индейцев на борьбу за независимость и их участие в ней, а также определить содержание индейского «проекта», его цели и задачи в рамках этой борьбы.

Первые восстания в Испанской Америке против метрополии произошли в Чаркас, в Чукисаке в мае и в Ла-Пасе в июле 1809 г. Это были провозвестники будущей войны за независимость. Движение в Ла-Пасе приобрело особо радикальный характер. Впервые заговорили о конституции, правах народа, в том числе и индейского населения. Хотя в планы повстанцев не входила отмена ни подушной подати индейцев (трибута), ни принудительного труда (миты), революционеры Ла-Паса, чтобы привлечь индейцев на свою сторону, отменили торговый налог алькабала [8, pp. 215-216].

В Ла-Пасе кабилдо заявило о создании законодательной «Представительной и охранительной хунты прав народа», для чего следовало создать «Представительный конгресс прав народа с участием делегатов от индейцев, по одному индейцу от каждого округа всех шести районов провинции Ла-Пас» [9, p. 366]. Впервые в истории континента созывался представительный орган власти с участием индейцев [10, pp. 38, 43]. В сентябре 1809 г. в правительственную хунту вошли трое индейских делегатов [3, p. 109]. Местные роялисты сетовали: «Индеец из Юнгас был, по крайней мере, императорской крови, происходил из Инков, а остальные — простые касики» [10, p. 43]. Индейцы были символом былой независимости Америки, носителями инкской традиции и прав.

Заботой хунты было привлечение на свою сторону индейцев. Сам факт приглашения индейских депутатов в хунту должен был сделать индейцев сторонниками новой власти. В документах одного из самых радикальных

лидеров инсургентов Хосе Антонио Медины есть письмо от некоего Х.Пласа из Чукисаки, датированное сентябрем 1809 г., в котором тот, отвечая на выраженное первым желание привлечь индейцев к борьбе, писал: «Если то индейское восстание (осада Ла-Паса во время восстания Тупак Катари. — *А.Щ.*) подняли беззащитные и невооруженные индейцы, то, что же будет, когда они объединятся с прекрасной армией белых, хорошо вооруженной и дисциплинированной?!» [3, р. 110]. Однако революционеров Ла-Паса больше беспокоило то, как они будут противостоять роялистским войскам, а потенциальные неприятности от союза с индейцами отходили на второй план. Было необходимо создать вооруженную силу для противостояния испанцам, а креолов и метисов, живших в городе, оказалось для этого явно недостаточно. Один из членов хунты Хуан Мануэль Касерес пользовался огромным авторитетом среди индейцев. Он многие годы был писарем в Какиавири и воочию наблюдал их страдания. Касерес воспринял начало борьбы против испанского владычества, прежде всего, как путь к освобождению индейцев [11, р. 105]. Он отправился в индейские поселения с агитационной миссией; индейцы же восставали против испанцев даже тогда, когда их касики этому сопротивлялись [3, р. 115].

В Юнгас (на север от Ла-Паса) был направлен отряд Мануэля Виктории Гарсии Лансы, которому удалось мобилизовать там около 6 тыс. индейцев [12, р. 33]. Данное обстоятельство убеждало революционеров в том, что в Юнгас они смогут эффективно противостоять роялистским войскам. Однако эти отряды были разоружены и недисциплинированы. Индейцы разбежались при первых же выстрелах. 11 ноября 1809 г. роялисты разбили в Юнгасе при Ирупане отряд Лансы, который, согласно Т.Котере, насчитывал 8 тыс. человек. Предводители восставших бежали. Вскоре их взяли в плен индейцы, прослышавшие о поражении восстания в Ла-Пасе и желавшие выслужиться перед испанцами. Они казнили Лансу и его сподвижника Габриэля Кастро, а их головы выставили сначала в Короико, а затем отослали в Ла-Пас [9, р. 177]. Индейцы не были готовы повторять эпопею Тупак Катарина, и, тем более, идти до конца в борьбе между чуждыми им белыми, креолами и испанцами.

Ровно через год после восстания в Чукисаке 25 мая 1810 г. в столице вице-королевства Буэнос-Айресе была создана хунта, сместившая колониальные власти, и началась эпопея Войны за независимость Испанской Америки. Переворот в столице вице-королевства всколыхнул не до конца подавленные в 1809 г. силы патриотов Чаркас. Одно из первых движений в поддержку патриотов опиралось на индейцев. В сентябре 1810 г. в Толедо, близ Оруро, произошло восстание индейцев. Оно было результатом большого заговора, нити которого уходили к находившемуся в заключении в Чукисаке Х.М.Касересу, работавшего писарем в Охранительной хунте Ла-Паса в 1809 г. и по счастливой случайности избежавшего эшафота, на который взойшли его товарищи. Находясь в тюрьме, Касерес умудрился разработать план заговора с участием священника Андреса Хименеса де Леона и касика Титичока. В апреле 1810 г. в Чукисаке состоялась тайная встреча между несколькими индейскими вождями и заговорщиками во главе с Касересом. Они приняли план борьбы за права индейцев, программу восстания из 12 пунктов — уникальный для того времени документ. В число требований были включены отмена миты и трибута, «так как испанский король убит французами, и некому теперь его платить». Требовали также отмены алькабалы, платы за религиозные требы и прочих сборов. Кроме того, речь шла о разделе имущества испанцев и тех креолов, кто совершал

злоупотребления в отношении индейцев. И главное — Касерес и его товарищи требовали запретить захват земель индейских общин помещиками. В документе ничего не говорится ни о Фердинанде VII (1808, 1813—1833 гг.), ни об отношениях с испанцами, ни о политических реформах [13, р. 235]. Индейцы заявляли о своих социальных целях в предстоящей войне, полностью игнорируя политические вопросы. Заговор был раскрыт, но восстание все-таки произошло в Оруро под предводительством касика Титичоки [14, р. 215].

Губернатор Кочабамбы Гонсалес Прада послал в Оруро отряд ополченцев во главе с Франсиско Риверой, который не скрывал своих симпатий к буэносайровской хунте. Узнав о подходе ополчения, Титичока прекратил восстание. Ривера добился у кабиљдо Оруро разрешения вернуться в Кочабамбу: он уже был в контакте с аргентинцами и намеревался объединиться с индейцами в борьбе против губернатора Прада.

Вскоре в Кочабамбу прибыл посланник Буэнос-Айреса Хосе Мольдес. Волнения среди креолов побудили губернатора действовать на опережение, и он приказал арестовать «главных смутьянов» Эстебана Арсе и М.Гусмана. Однако при попустительстве охраны им удалось бежать и в Тарата поднять восстание индейцев, двинувшихся на Кочабамбу. Среди индейцев агитировал священник Окендо, прекрасно говоривший на кечуа. По словам боливийского историка М.Х.Кортеса, этот священник «умел связать революционные идеи о свободах с религиозными догмами». Окендо в своих речах обличал алчность и жестокость испанцев, противопоставлял их дворцы убогим хижинам индейцев, осуждал бесчеловечные способы эксплуатации на серебряных рудниках. Его речи привели в ряды повстанцев тысячи индейцев долины Кочабамбы [15, pp. 32-33]. 14 сентября 1810 г. индейцы Тарата и отряд Риверы, возвращавшийся из Оруро, подошли к городу и, не встретив никакого сопротивления, взяли его при поддержке всего населения. Кабиљдо признало власть хунты в Буэнос-Айресе.

В октябре 1810 г. в Чаркас вошли войска Буэнос-Айреса. К ним присоединялось большое количество индейцев. Политическим главой похода был Хуан Хосе Кастельи, рассчитывавший на поддержку коренного населения. Он делал радикальные заявления о равноправии индейцев, об отмене миты и трибута, действительно желая освободить индейцев от поборов и тягот повинностей. После победы в битве при Суипаче Кастельи заявил: «Индейцы — на стороне нашего дела, они благословляют новое правительство» [16, р. 301]. Жители многих общин искренне поверили вождям революции и поднимали восстания в их поддержку.

Кастельи в Чукисаке объявил о политическом равноправии индейцев, которые получали право избрать четверых делегатов в Конгресс объединенных провинций Рио-де-Ла-Платы. Когда Кастельи прибыл на руины древней цивилизации Тиуанаку, он устроил смотр войск и в своей речи перед солдатами подчеркнул связь их движения с былым величием Америки, ее древней цивилизацией. И главное — Кастельи заявлял, что земля должна быть возвращена коренному народу [17, pp. 298-299]. Он призывал индейцев всего Перу восстать против существующего положения, свергнуть тиранию и угнетателей [18, р. 151]. В ответ индейцы повсюду создавали вооруженные отряды, которые, как писали роялисты, «сеяли смерть и разрушение» [19, р. 6]. Вокруг Ла-Паса индейцы уничтожили практически все усадьбы помещиков. Боливийский историк Д.Рене Арсе подсчитал, что число индейцев, сражавшихся под знаменами патриотов, достигало 19 тыс. человек [3, pp. 165-170]. Ключевую роль в мобилизации индейцев

играли местные каудильо, связанные с войсками патриотов. В основном это были метисы, проживавшие в небольших городках. Они говорили на аймара или на кечуа, носили индейскую одежду и были близки к широким массам местного населения. Часто члены общин примыкали к восстаниям, происходившим в соседней местности, из соображений солидарности. Известия о заявлениях Кастельи о равенстве, об отмене миты и трибута превращало экспедиционную армию Буэнос-Айреса в друзей индейцев, тем более что аргентинцы выступали как защитники прав Фердинанда VII. В роялистских памфлетах революционеров называли «метисами, состоявшими в сговоре с их союзниками-индейцами, вооруженными пушками и ружьями» [19, р. 40].

Между тем 15 октября 1810 г. Кадисские кортесы объявили о политическом равенстве индейцев и испанцев. Были признаны избирательные права коренного населения. Позднее испанские либералы даже декретировали распределение земли среди индейцев, чтобы сократить количество безземельных крестьян, нищих и бродяг, не уничтожая при этом традиционных общин [20, р. 221], что больше отвечало интересам индейцев, чем последующие реформы Симона Боливара, ликвидировавшие общину. Эти меры кадисского либерализма стали известны в колониях позднее, а их осуществление натолкнулось на сопротивление креолов. Революционные акты не устраивали ультраконсерваторов и местных роялистов, терявших основной источник дохода и бесплатную рабочую силу [18, р. 54]. В результате именно Кастельи и революционеры из Буэнос-Айреса стали защитниками индейцев, которые искренне вставали под их знамена. Во многих местах Кастельи встречали традиционными приветствиями: «Татай (отец, покровитель)! Это — посланник Бога!» [16, р. 301].

Однако освободительный поход закончился катастрофическим поражением патриотов при Гуаки 20 июня 1811 г. После разгрома аргентинцев их индейские союзники сразу же сложили оружие. Они, увидев крах армии Буэнос-Айреса, как писал испанский генерал Андрес Гарсия Камба, «выбрасывали оружие и принимались за обычный труд» [21, р. 95]. Только в некоторых местах под предводительством аргентинских офицеров или местных каудильо восстание продолжалось, создавались отряды партизан-монтонерос [22, р. 10].

Аудиенсия Чаркас вернулась под контроль роялистов. Все-таки до полного замирения провинций было далеко. Как писал роялистский хронист, пресвитер Рамон Мариака из Ла-Паса, все были убеждены, что индейцы смирятся и не посмеют восставать после того, как «своими собственными глазами увидели разгром армии Буэнос-Айреса, которую считали непобедимой» [23, р. 87]. Однако эти надежды на полное умиротворение не оправдались.

Во время похода Кастельи освобожденный из тюрьмы Касерес присоединился к аргентинским войскам. После поражения при Гуаки Касерес принял решение продолжать сопротивление во внутренних районах провинции. Он опирался на индейские общины, в которых пользовался огромным авторитетом. Касерес поднял восстание в Айопайа, Каламарке и Сика Сике. Его силы росли, и ему даже удалось разбить посланный против него карательный отряд. Как утверждает историк Д.Рене Арсе, движение Касереса в 1811 г. было высшей точкой мобилизации индейцев во время Войны за независимость [3, р. 161].

Восставшие окружили Ла-Пас, блокировав его 15 августа 1811 г. Осаждающие поддерживали связь с еще сопротивлявшейся роялистам Кочабамбой [23, р. 104]. Осада длилась 45 дней. Индейцы, как и во

время восстания Тупак Катари в 1781 г., провозглашали, что пришли уничтожить всех испанцев и креолов. Несмотря на большие потери среди тех, кто осаждал город, они нападали на городские укрепления, практически ежедневно поджигая пригороды. Находившиеся в осаде креолы отмечали, что со стороны индейцев в осаде участвовали городские чоло (метисы), которые умели пользоваться ручным огнестрельным оружием и пушками. К тому же недоверие и ужас креолов вызывали индейцы, проживавшие в Ла-Пасе, которые не внушали доверия [23, р. 89].

Из округи — из Пакахес, Сика Сики, Ирупани и других мест — поступали тревожные известия об убийствах белых, сборщиков трибuto, помещиков, жителей маленьких городов. В Ла-Пасе строили баррикады и рыли траншеи вокруг центра, оставив часть окраинных районов без защиты. Индейцы соглашались снять осаду, если горожане выдадут им всех испанцев-европейцев и креолов-роялистов. Тем не менее массированный штурм оказался неудачным. Испанцы вывесили трупы индейцев на стенах и воротах домов на границе города, что произвело удручающее впечатление на осаждавших, разуверившихся в возможности успеха [23, р. 98-100]. 28 сентября осада была прорвана присланными из Перу войсками под командованием Хосе Санта-Круса (отца будущего президента Боливии Андреса Санта-Круса). Его отряд в тысячу человек разбил 10 тыс. индейцев [10, pp. 185-186]. Ущерб, нанесенный осадой городу и округе, сожженные поместья и пригороды, оценивался в огромную по тем временам сумму — полмиллиона песо [23, р. 118].

7 октября 1811 г. Касерес с новыми отрядами подошел к Ла-Пасу и вновь осадил город, на этот раз ненадолго. Индейцы полностью разорили округу, но сам город взять не смогли. Прибывшие подкрепления роялистов вошли в Ла-Пас 18 октября 1811 г. и прорвали блокаду, но округа оставалась под контролем восставших индейцев. Видя неспособность войск подавить сопротивление индейцев, вице-король Перу Хосе Фернандо де Абаскаль и Соуза приказал касику Матео Пумакагуа из Куско, прославившемуся при подавлении «Великого восстания» Тупак Амару II, во главе своих индейских отрядов перейти Десагуадеро и умиротворить Ла-Пас.

11 ноября 1811 г. индейцы Пумакагуа заняли Ла-Пас, где пробыли только три дня. Однако горожане надолго запомнили это «освобождение». Индейцы совершили многочисленные акты насилия и грабежа [14, р. 220]. Для аймара наступили черные дни. Орды «верных» индейцев-кечуа во главе с Пумакагуа, Чинчеросом и Чокеуанка залили кровью провинцию Ла-Пас. Пумакагуа привел с собой 6 тыс. кечуа, безжалостных к аймара. Испанцам удалось использовать вражду двух индейских народов и руками одних подавить восстание других [17, р. 304]. Были уничтожены очаги сопротивления на севере Альтиплано: Касереса взяли в плен, но его отряд не был полностью уничтожен и ушел в Кочабамбу. Пумакагуа подавил также индейское восстание в Карангас, возглавляемое Бласом Ари [18, р. 153]. И все же полного замирения провинций не произошло.

Королевские власти постоянно получали жалобы путешествовавших и испанцев — жителей сельских городков на бесчинства восставших индейцев и чоло. Путешествовать и вести торговлю между регионами Чаркас стало невозможно, партизаны фактически парализовали экономическую жизнь, в том числе и доставку продовольствия в города. Сельская местность была наводнена восставшими и партизанами [24, pp. 10, 48-49, 97-99]. От местных властей поступали явно преувеличенные сведения: так,

в апреле 1812 г. в Ла-Пас сообщали об отряде 9060 индейцев, вооруженных копьями, палками и 48-ю ружьями [24, р. 39].

Приходили сообщения, что индейцы Сика Сики получают инструкции от священника, прибывшего с секретной миссией от хунты Буэнос-Айреса. Индейцев уверяли, что у хунты под ружьем — 60 тыс. человек. Под впечатлением от такой информации крестьяне поднимали восстания. Как писали доносчики, в отряде восставших были в основном индейцы и восемьдесят чоло [24, pp. 10-16]. В других районах также действовали отряды монтонерос, индейцы и чоло. Сообщается об одном восстании в Каракото и Лурибае, которое также возглавил местный священник. Этот мятеж удалось подавить, лишь послав туда отряд с двумя пушками. Для исполнения карательной миссии пришлось набирать добровольцев: их оказалось не много — всего (вместе с солдатами) 150 человек пехотинцев и 50 кавалеристов. Индейцы разбежались, а тех, кто был пойман с оружием в руках, обезглавили. Силой и жестокостью испанцы пытались восстановить порядок [24, р. 70].

21 июня 1813 г. Мануэль Бельграно во главе новой освободительной армии Рио-де-Ла-Платы вошел в Потоси. Как и Кастельи, Бельграно был популярен среди индейцев, помнивших обещания освободить их от угнетения, которые давали аргентинцы во время предыдущего похода. Однако местные креолы, памятуя о восстаниях 1811 г., принесших им не меньше страданий, чем испанцы, были против агитации среди индейцев. В результате индейцы зачислялись лишь во вспомогательные отряды и не приняли прямого участия в военных действиях [17, р. 309].

Ассамблея в Буэнос-Айресе 12 мая 1813 г. утвердила отмену трибута, миты и личных услуг индейцев. Решение ассамблеи напрямую касалось Чаркас и должно было привлечь коренное население на сторону патриотов. Однако подобные меры подрывали основы экономики Чаркас, и радикализм этих мер оттолкнул от восставших большую часть креолов, все менее поддерживавших экспедиционные армии Буэнос-Айреса.

Армии роялистов и патриотов сошлись 1 октября 1813 г. у Вилькапухио. У Бельграно было огромное количество вспомогательных отрядов индейцев, размещившихся на холмах вокруг обеих армий. Испанцы изначально посчитали, что их окружили, и были готовы к самому печальному исходу. Один из офицеров королевской армии с отчаянием описывал положение войск: дезертирство, отсутствие фуража, мулов и питания, а также то, что «индейцы лишали нас всего необходимого» [4, р. 251].

Ночью все холмы покрылись кострами инсургентов Бельграно, заранее праздновавшего победу. Испанский генерал А. Камба писал в своих воспоминаниях: «Положение нашей армии было критическим, она находилась во враждебном окружении». И тем не менее 1 октября 1813 г. будущий вице-король, генерал Хоакин де ла Песуэла обрушился на противника всей мощью своих войск. Повстанцы потерпели полное поражение: на поле боя остались 600 убитых, 1000 раненных, многие были взяты в плен, в том числе 33 офицера. Испанцы же потеряли 153 человека убитыми и 257 ранеными [21, pp. 118-122]. Самый неприятный для Бельграно сюрприз состоял в том, что союзные индейцы даже не сдвинулись с места, и, более того, после поражения патриотов стали из засады нападать на спасающихся бегством солдат аргентинской армии, добывая их на дорогах. Отступление превратилось в подлинную бойню, причем без всякого участия роялистов [25, pp. 117-119]. Очередной освободительный поход закончился поражением, и креолы вынесли из него убеждение о нежелательности союза с индейцами.

В 1814 г. Фердинанд VII вернулся на испанский трон, отменил конституцию и все либеральные реформы, восстановил абсолютизм. Началась реконкиста колоний в Америке. Только Рио-де-Ла-Плата оставалась не покоренной короне. В апреле 1815 г. аргентинская армия Хосе Рондо вновь выступила в поход на север. Как писал генерал Камба, сразу после начала кампании вся страна оказалась наводнена партизанами, стали вспыхивать индейские восстания [21, р. 167]. Экспедиция, предпринятая Х.Рондо, тоже потерпела поражение и стала последней. На территории Чаркас остались только небольшие очаги сопротивления — партизанские районы, которые Б.Митре назвал республикетами. Он насчитал шесть крупных республикет. Боливийский историк А.Аргедас утверждал, что действовало 102 крупных отряда, из них 93 были уничтожены в боях [25, р. 147].

Некоторые партизанские формирования возглавляли индейцы по крови, но происходившие из тех слоев, которые в прошлом имели большой опыт общения с креолами и испанцами. Характерна фигура вождя «монтонерос» (название партизанского или небольшого мобильного вооруженного отряда) из Потоси Мигеля Бетансоса. Формально он считался индейцем, но был незаконнорожденным и носил испанскую фамилию. Ему было 60 лет — по тем временам возраст весьма преклонный. Бетансос был грамотным и даже вел переписку с другими лидерами борьбы с испанцами. Он был удобен как индейцам, больше доверявшим своим соплеменникам, так и креолам, видевшим в нем культурно близкого им человека [26, pp. 96-97].

Восстания, вспыхивавшие в 1815 г., очень беспокоили испанских военных именно потому, что чаще всего во главе индейских отрядов стояли креолы или аргентинские военные. Если Касерес говорил о восстановлении империи инков, то большинство других монтонерос-метисов смотрели на индейцев в лучшем случае как на союзников, но чаще — как на «пушечное мясо». Креолы и метисы говорили индейцам о будущей отмене миты, трибуто, личных услуг, подчеркивая, что выступают за полное гражданское равноправие. Говорили они и о братстве, и об общей родине [20, pp. 223]. Решение общин о том, на чьей стороне выступить, принималось на индейских кабильдо, где большое влияние имели касики, связанные с местными метисами и креолами. Эти связи с локальными лидерами играли решающую роль в определении места индейцев в войне.

Термин «родина» (*patria*), использовавшийся повстанцами, в глазах коренного населения был производным от термина «пачамама» (*pachamama*) — мистической силы земли, которой они поклонялись [16, р. 404]. И для индейцев, и для метисов борьба с роялистами за свою землю была наполнена религиозным содержанием, это была своего рода священная война. Партизаны Айопайо поклонялись Деве Марии Икойской из Моосы и считали ее своей покровительницей [5, р. 379].

И роялисты, и патриоты хотели привлечь на свою сторону индейцев, но реальное отношение к последним было чисто утилитарным. Партизанские лидеры стремились поставить под свой контроль богатые общины, чтобы от имени правительства собирать трибуто и тем самым, с одной стороны, получить финансовые ресурсы, а с другой — заставить общину признать легитимность своего отряда [27, р. 127]. Индейцы были важным людским ресурсом. Партизан Хосе Сантос Варгас в своем дневнике всегда отделял солдат, повстанцев от «вспомогательных индейцев», или «индиаду», как он презрительно их именовал [28, pp. 86, 94, 191].

В республикетах роль индейцев была решающей [5, р. 380]. Там существовал реальный союз между метисами и индейцами, что не отменяло

весьма прагматичного поведения индейцев. Если они видели слабость партизанского отряда, то выступали против него [6, р. 405]. Индейцы всегда преследовали собственные цели, а именно — сохранение равноправных отношений общины и государства, что историки Т.Платт, М.Л.Соукс называют «пактом взаимности» между миром индейцев и государством белых. Для индейцев важнейшей задачей было получение гарантий на самоуправление, на пользование своими землями, на ограничение экономического гнета [7, р. 458].

Естественно, индейцы становились жертвами репрессий с обеих сторон. Сантос Варгас рассказывал, что роялисты били плетью всех местных жителей, даже проживавших на тех территориях, жители которых не участвовали в боях, если там проходил партизанский отряд [28, р. 136]. При этом тот же Варгас признавался, что вожди партизан охраняли «своих индейцев», а грабили и убивали только тех, кто помогал врагу [28, р. 85]. Индейцы были почти во всех партизанских отрядах, но главное заключалось в поддержке со стороны общин той или иной местности.

Испанским войскам удалось уничтожить все республикеты, кроме Айопайа, куда ушли оставшиеся в живых повстанцы из других районов [21, р. 333]. Эта республикета — единственная, которая пережила войну за независимость. Айопайа — труднодоступный район на севере от Ла-Паса и Кочабамбы. Это — горные долины, граничащие с тропическим районом Юнгас, т.е. идеальное место для укрытия больших отрядов. Там нет лесов, но рельеф местности весьма удобен для засад, непроходим для кавалерии и сводит на нет преимущества использования сомкнутого строя. Индейцы легко окружали отряды противника и без ущерба для себя забрасывали его камнями из примитивных пращей со склонов гор. Кроме того, Айопайа — густонаселенный индейский район с давними традициями антиколониальной борьбы. Республикета охватывала огромную территорию в 1400 км, ее ядром были деревни Палька и Мооса. В Айопайа находился центр индейского сопротивления Тупак Катари в 1781 г. во время так называемого «Великого восстания» Тупак Амару II.

После подавления выступления Тупак Катари община аймара замкнулась, стала враждебно относиться к внешнему бело-метисному миру. Одновременно происходили процессы внутренней демократизации. «Пакт взаимности», заключенный между испанским и индейским мирами, был расторгнут. Антииспанское движение метисов и креолов в Айопайа нашло отклик среди индейских общин, которые поддерживали его и оставались верны ему в течение 16 лет войны. Это квазигосударство партизан установило свои порядки: отменило трибuto и алькабалу для индейцев [13, pp. 242-243]. Верность коренного населения делу патриотов в Айопайа была обусловлена и перераспределением земли в его пользу. Многие поместья креолов и касиков были захвачены индейцами. Даже после Войны за независимость бывшие владельцы так и не смогли восстановить права на свою собственность [5, р. 381]. Борьба в союзе с партизанами означала для индейцев возвращение их земель.

Помимо индейцев активное участие в движении приняли и местные метисы, по большей части мелкие торговцы — связующее звено между общинами и креольскими городами. Именно индейцы являлись решающей силой, от которой зависело лидерство в республикете. Подлинными местными вождями были метис Эусебио Лира, а после него такой же метис Хосе Мануэль Чинчилья. Испанцы, следившие за этой республикетой, с которой они ничего не могли поделать, в 1817 г.

насчитали 125 солдат с ружьями и огромное количество индейцев, вооруженных копьями и пращами [21, р. 274].

Первоначально республикета возникла как «продукт» индейского восстания, спровоцированного и возглавленного креолами. По свидетельству одного из индейцев, «восстали десять виракочас (белых) и 4 тыс. индейцев в Парии, Моосе, Яко, Ичоке» [6, р. 395]. Индейцы участвовали в боевых действиях с обеих сторон. В этом районе чаще всего индейцы из общин воевали на стороне патриотов, а из поместий — в отрядах роялистов. Лидеры инсургентов порой принуждали коренное население выступать на их стороне, угрожая разорением и расправой. Индейцы же использовали военные действия для мести и сведения счетов со своими угнетателями, властями и городскими креолами. Таким образом, постепенно сформировался прочный союз индейцев-«патриотов» и монтонерос против королевских властей и индейцев, верных испанцам [4, р. 310].

Эусебио Лира был типичным представителем индейско-метисного мира Айюпайа, практичным и порой беспринципным. В 1816 г., когда казалось, что триумф роялистов окончателен, он, не колеблясь, вступил в переговоры с вице-королем де ла Песуэлой о переходе на сторону короны. Песуэла обрадовался этому предложению и даже пообещал ему не только прощение, но и офицерское звание в королевских войсках. Лира в знак лояльности даже казнил одного из своих командиров, а его голову отослал испанским властям. По поручению Песуэлы губернатор отправился в Моосу на встречу с Лирой. Он остановился на ночь в доме Леры, пока хозяин еще не прибыл. Попытка предательства окончилась банальным адюльтером. Губернатор соблазнил подругу Леры и увез ее с собой. Лира же, в свою очередь, поклялся именем Бога воевать с испанцами до гробовой доски, и не нарушил эту клятву, ибо, как пишет Сантос Варгас, был очень богобоязненным католиком [28, pp. 107-115].

Лира со всем ожесточением набросился на испанцев и сделал Айюпайа редутом независимости. И все же сомнительная натура Леры стоила ему жизни. В 1817 г. Лира был ранен в одном из боев. Другие вожди, недовольные деспотизмом Леры, арестовали его, а затем после скорого суда расстреляли. Однако многие индейцы были возмущены смертью своего лидера и отказались подчиняться новым вождям, окружили и даже казнили некоторых из них. Но Сантос Варгас — один из преданных друзей Леры — уговорил индейцев отказаться от дальнейшей мести и тем самым спас уцелевших командиров от неминуемой гибели. При этом индейцы не захотели следовать за узурпаторами, не вызывавшими у них доверия, что ослабило республикету. В 1819 г. вице-король Песуэла приказал отправить элитные части из Перу, в том числе и известный своей жестокостью и силой батальон Талавера, состоявший исключительно из испанцев, на подавление партизан Айюпайа [27, р. 461]. В декабре роялисты без труда их разогнали. Патриоты прятали оружие, скрывались в горах и уходили в леса. В самый тяжелый период с 1818 по 1820 г. задача сводилась только к тому, чтобы выжить, отряды монтонерос избегали крупных столкновений, обходили стороной роялистские гарнизоны. Индейцы же были тылом партизан, помогали им укрываться, доставляя пищу, и в 1820 г. благодаря этому республикета возродилась.

На заключительном этапе Войны за независимость патриоты получили такое военное преимущество, что уже не нуждались в поддержке индейцев. Даже подразделения республикеты Айюпайа, которой тогда командовал присланный из Аргентины Ланса, смогли первыми войти в Ла-Пас до прихода войск Антонио Хосе Сукре. Однако индейцы не

принимали участия в этом походе. Это был триумф креолов, начинался новый этап независимого развития Боливии, где индейцев по-прежнему ожидали дискриминация и угнетение.

22 декабря 1825 г. в Чукисаке Боливар издал один из своих революционных декретов, которые, к сожалению, так и остались на бумаге. Речь в документе шла об отмене трибуто — подушной подати индейцев — «как унижающей достоинство гражданина», в связи с тем, что «Ассамблея провозгласила независимость, свободу и гражданское равенство, и привилегии классов были ликвидированы» [30, р. 8]. Эта подать заменялась на прямое налогообложение всех граждан, их имущества и доходов. Боливар фактически повторял декрет Кадисских кортесов 1813 г., который также никогда не был исполнен. Жители креольско-метисного города были недовольны тем, что их уравнивали с индейцами, которые традиционно считались лишь объектом эксплуатации и угнетения. Даже низшие городские слои проявляли недовольство таким либеральным уравниванием в гражданских правах [31, р. 398]. Перед лицом столь единодушного отказа принять новую налоговую систему и испытывая серьезные финансовые проблемы, 26 декабря 1826 г. Сукре восстановил трибуто. Это решение объяснялось тем, что практической возможности собирать налоги, исходя из размера имущества и дохода граждан, не существовало; не было ни учета, ни кадастра собственности. Так был восстановлен самый одиозный символ колониального угнетения коренного населения.

Индийское население Чаркас в период Войны за независимость политически не было представлено ни одной из противоборствующих сторон. Не было также единой силы, представлявшей интересы данной группы населения колонии. Ни касики, ни новые лидеры, появившиеся в ходе войны, не претендовали на представительство этого сословия, являвшегося в Чаркас большинством. На разных этапах войны индейцы ограничивались своими традиционными формами организации и действий, т.е. коллективными действиями (бездействием), вызванными определенными обстоятельствами и представлениями о собственных интересах в данный момент времени, в данной местности и в конкретной ситуации. Это приводило к тому, что индейцы часто меняли союзников, что возмущало креолов и испанцев, но вполне соответствовало крестьянской рациональности и стремлению минимизировать ущерб своему хозяйству и жизни. Политически и эмоционально индейцы оставались равнодушны как к провозглашенным патриотами принципам равенства, свободы и прочего, так и к призывам роялистов быть преданными вере и короне. Борьба за независимость в масштабе страны не затрагивала интересы индейцев, но они могли занимать твердые позиции в определенных ситуациях, когда отношения измерялись не противоречиями между колонией и метрополией, «свободой» и «тиранией», а связями с конкретными людьми на местах — метисами, креолами и даже просто соседями. Нейтральная позиция индейцев оказалась пророческой: новая власть несколько не улучшила их положение, не выполнила никаких обещаний, которые были даны в ходе борьбы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Valencia Vega A. El indio en la independencia. La Paz, Progreso, 1962, 377 p
2. Arnade C. La Dramática insurgencia de Bolivia. La Paz, Juventud, 1979, 299 p.
3. Arze Aguirre R. Participación popular en la independencia de Bolivia. La Paz, OAE, 1979, 271 p.

4. Demélas M.-D. Nacimiento de la guerra de guerrilla. El diario de José Santos Vargas (1814—1825). La Paz, Plural, 2007, 457 p.
5. Reescrituras de la Independencia. Actores y territorios en tensión / Barragán R., Soux M.L., Seoane A.M., Mendieta P., Asebey R., Mamani R. La Paz, Plural, 2012, 540 p.
6. Mendieta O.P. Pescando el río revuelto: la participación indígena en la Republiquet de Ayoraya (1812—1825). *Anuario de estudio bolivianos, archivísticos y bibliográficos*. Sucre, 2004, N 10, 2004, pp. 393-409.
7. Soux M.L. Rebelión, guerrilla y tributo: los indios en Charcas durante el proceso de independencia. *Anuario de Estudios Americanos*. Vol. 68, N 2. Sevilla, 2011, pp. 455-482.
8. 1808. La eclosión juntera en el mundo hispano. México, FCE, 2007, 404 p.
9. Documentos para la historia de la Revolución de 1809. Vol. III. La Paz, Alcaldía Municipal, 1954, 996 p.
10. Dávila T. Insurrección de La Paz, 1809. Manuscrito. Biblioteca nacional de España. MSS/13150, 64 p.
11. Choque Canqui R. Situación social y económica de los revolucionarios del 16 de julio de 1809 en La Paz. La Paz, Gobierno Municipal de La Paz, 2008, 147 p.
12. Memorias históricas de la revolución paceña. La Paz, Imprenta de Colegio de artes, 1840, 45 p.
13. Roca J.L. Ni con Lima ni con Buenos Aires. La formación de un Estado nacional en Charcas. La Paz, Plura, 2007, 771 p.
14. Siles Salinas J. La Independencia de Bolivia. Madrid, MAPFRE, 1992, 406 p.
15. Cortés M.J. Ensayo sobre la historia de Bolivia. Sucre, Impr. Beeche, 1861, 332 p.
16. Ramallo J.M. La guerra religiosa en el Alto Perú (1811—1813). *Cuatro Congreso internacional de historia de América*. Tomo V. Buenos Aires, 1966, 755 p.
17. Fellmann Velarde J. Historia de Bolivia T.1. Los antecedentes de la bolivianidad. La Paz, Amigos de los libros, 1968, 342 p.
18. Una independencia, muchos caminos. El caso de Bolivia (1808—1826). Castelló de la Plana, Universitat Jaume I, 2008, 244 p.
19. Fiestas triunfales que consagró el 2 de agosto de 1812 la fidelísima Imperial Villa de Potosí al invicto General americano el Sr. mariscal de campo Don José Manuel de Goyeneche. Lima, 1812, 60 p.
20. Irurozqui M. La vecindad y sus promesas de vecino a ciudadano, Bolivia, 1810—1830. *Anuario del Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia*. Sucre, 2000, N 8, pp. 203-227.
21. Camba A. Memorias para la historia de las armas españolas en el Perú. Tomo 1. Madrid. 1846. Available at: <https://www.archivoybibliotecanacionales.org.bo> (accessed 26.07.2024).
22. Archivo de La Paz (ALP). EC. C. 150. E. 5. 1812.
23. Ventura y desventura de la ciudad de La Paz después de Julio de 1809. La Paz, Gobierno Municipal de La Paz, 2009, 220 p.
24. ALP. EC. C.150. E. 4. 1812.
25. Arguedas A. Historia de Bolivia. La fundación de la república. T.1. La Paz, Juventud, 1992, 337 p.
26. Araujo Subieta M. Tres importantes documentos sobre el guerrillero Miguel Betanzos. *Anuario del Archivo y Biblioteca Nacionales de Bolivia*. Sucre, 2011, N 17, pp. 67-102.
27. Entre la Colonia y la República. Insurgencias, rebeliones y cultura política en América del Sur. Buenos Aires, Prometeo, 2008, 400 p.
28. Santos Vargas J. Diario de un soldado de la independencia. Available at: <https://www.archivoybibliotecanacionales.org.bo> (accessed 26.07.2024).
29. Pezuela J. Memorias de Gobierno. Sevilla, Escuela de estudios hispanoamericanos, 1947, 480 p.
30. Bonifaz M. Legislación agrario-indigena. Cochabamba, Universitaria, 1953, 595 p.
31. Lofstrom W.L. La presidencia de Sucre en Bolivia. Caracas, Academia Nacional de Historia, 1987, 550 p.

Andrey A. Schelchkov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute for World History of the Russian Academy of Sciences

Leninskiy prospect., 32 a, 119334 Moscow, Russian Federation

Indian participation in the War of Independence of the Charcas

Abstract. The war for independence on the territory of modern Bolivia lasted for 15 years. It was a war of military liberation campaigns, patriot uprisings, and guerrilla movements that made the territory of this colony of Spain a place where no royalist victory guaranteed tranquility. Charcas was a place where the vast majority of the population belonged to the indigenous Amerindian peoples, Aymara and Quechua, on whose labor the welfare of the colony and the wealth of the metropolis were built. The fate of Bolivian independence largely depended on the position of this majority. The Indians were an important actor in the Charcas War of Independence, the fate of the warring parties depended on their position, but they never took sides, but acted in accordance with their opportunistic interests, entering into ad hoc alliances with the Creoles, Mestizos, and Spaniards. Their goal was to maintain a "pact of reciprocity" with the white world, whether with the Crown, whether with the Patriots, which implied the preservation of Indian autonomy and guarantees of limited exploitation. The goal of the Indians was their survival as a communal people, the recognition by the new political forces of the special rights and interests of these peasant peoples. They managed to defend this special "project" within the framework of cardinal changes of the times of the War of Independence, so the restoration of the old regime by republican governments just a couple of years after the declaration of independence of the countries did not cause discontent and indignation of the Indian population.

Key words: War of Independence, Indian peoples, Charcas, Bolivia, republicans, royalists, patriots.

DOI: 10.31857/S0044748X24110063

Received 28.04.2024.